

ЭДУАРД АСАДОВ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
СТИХОТВОРЕНИЙ
В ОДНОМ ТОМЕ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
А90

Статья подготовлена *Дмитрием Быковым*

Оформление серий *Натальи Ярусовой*

В оформлении обложки серии «Большие буквы» использованы
фрагменты работы художника *Джесси Уилкоккс Смит*

В оформлении вкладки использованы изображения:

© В. Гайкин, В. Крюков / РИА Новости

© Heritage Image Partnership Ltd / Alamy / Legion Media

© Aleksei Golovanov, Matt Benoit / Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Асадов, Эдуард Аркадьевич.

А90 Полное собрание стихотворений / Эдуард Асадов. —
Москва : Эксмо, 2021. — 944 с.

ISBN 978-5-04-118461-2 (Большие буквы)

ISBN 978-5-04-118459-9 (ПСС)

Любое из стихотворений Эдуарда Асадова — торжество смелых и благородных чувств, борьба за бескомпромиссную, трепетную и чистую любовь. Книга представляет собой полное собрание стихотворений, уже более полувека любимых читателями.

УДК 821.161.1-1

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-04-118461-2 (Большие буквы)
ISBN 978-5-04-118459-9 (ПСС)

© Асадов Э.А., наследник, 2021

© Быков Д.Л., статья, 2021

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

СТИХОТВОРЕНИЯ

* * *

Я так хочу стихи свои писать,
Чтоб каждой строчкой двигать жизнь вперед.
Такая песня будет побеждать,
Такую песню примет мой народ!

Пускай трудна порою крутизна,
Но там, где люди солнце обретут,
Быть может, песню и мою споют,
И в чьем-то сердце задрожит струна.

Я так хочу стихи свои писать,
Чтоб, взяв их в новый, незнакомый век,
Читатель мог уверенно сказать:
«Недаром прожил в мире человек!»

И там, у завершения крутизны,
Сквозь яркий день и сквозь ночную тьму
Вплетая голос в гул моей страны,
Я так скажу потомку своему:

«Ты слышишь этот песенный прибор,
Ты видишь счастьем залитую ширь—
Храни же свято этот светлый мир,
Что добыт был великою ценой!»

Я так хочу стихи свои писать,
Чтоб этот миг приблизить хоть на час.
Они прекрасны, замыслы, у нас!
И наши песни будут побеждать!

1947

АРМЯНСКАЯ ПЕСНЯ

Бодро иду я дорогой своей,
В сердце моем ни тоски, ни тревоги.
Девушка чистая, словно ручей,
Мне пожелала счастливой дороги.

Мы повстречались на самой горе,
Сакля стоит у фруктового сада.
Сладки и сочны плоды в сентябре,
Гнется под гроздью лоза винограда.

Девушка имени мне не сказала,
Взгляд ее синим лучом пробежал.
Счастья и друга в пути пожелала,
Смех ее в сердце моем задрожал.

Снова пошел я дорогой своей,
Нет на душе ни тоски, ни тревоги.
Девушка звонкая, словно ручей,
Мне пожелала счастливой дороги.

Только вдруг что-то случилось в пути:
Руки вдоль тела повисли без силы,
Стало мне жарко и трудно идти,
Путь показался далеким, унылым...

Нежно защелкал в кустах соловей,
Солнце спускалось, в горах пламенея,
Только у девушки голос нежней,
Только у девушки губы краснее.

Что же вы, сильные, крепкие ноги?!
Надо шагать нам дорогой своей:
Девушка быстрая, словно ручей,
Нам пожелала счастливой дороги.

Я постоял и обратно пошел.
Сердце тревога неясная гложет.

Что потерял я и что я нашел?
Кто мне ответить на это поможет?

Я воротник распахнул на груди,
Душный, хмельной надвигается вечер.
Белая сакля стоит впереди,
Кто-то спускается быстро навстречу...

Люди, прислушайтесь к песне моей —
Лучше остаться сидеть на пороге,
Если вам скажет «счастливой дороги»
Девушка нежная, словно ручей!

1946

* * *

Люблю я с откоса весенней порой,
Раздевшись, в студеную воду нырнуть,
Обдаст тебя сразу огонь ледяной,
От холода трудно сначала вздохнуть.

Потом ты плывешь, рассекая руками
Воды и зари многоцветное пламя,
Но так проберет леденящий поток,
Что пробкой летишь на прибрежный песок.

Мне холод такой не мешает ничуть,
Он бодрость и радость вливает мне в грудь,
Он утренней песнею в сердце звенит,
Он сил прибавляет, он кровь горячит.

Люблю я ядреный январский мороз
С холодным сверканьем синеющих льдов,
С лыжней, по которой летишь под откос,
Обрывками песен пугая клестов.

Что холод и что мне лихая зима,
Коль можно хрустальную свежесть вдохнуть?
Не кровь в моих жилах, а юность сама,
Рассвет загорелся, скорее же в путь!

Но все же мороз и меня леденит,
Едва лишь свидания час настает,
Глаза твои — лед, и душа твоя — лед,
И каждая фраза, как льдинка, звенит.

Зачем же тогда я про нежность пою?
Затем, чтоб помочь пробудиться весне,
Разбить скорлупу ледяную твою,
Согреться, а нет, так сгореть на огне.

Когда б я не верил всем сердцем в твой пыл,
Чудачка, неужто б тебя я любил?!
Сказал и почувствовал: кажется, лгу.
Пусть лед! Все равно разлюбить не смогу!

1947

В ТАЙГЕ

В светлом иное березы.
Злы в Сибири холода!
Речка скрылась от мороза
Под тяжелый панцирь льда.

Кедры в белых рукавицах
Молчаливо-высоки...
Жадно нюхает лисица
Деревенские дымки.

На сугробах птичий росчерк,
Ель припудрена снежком,
Дятел, греясь, как извозчик,
О крыло стучит крылом.

Завалил берлогу свежий
Снег. Мороз трещит окрест...
Спит в своей дохе медвежьей
Сам «хозяин» здешних мест.

Только белка-непоседа,
Глаз ореховый кося,

Мчит по веткам, для обеда
Шишку крепкую неся.

Ближний куст ударил громом...
Оборвав свой быстрый бег,
Белка светло-серым комом
Полетела в рыхлый снег.

Эхо в троекратной силе
Гулко ахнуло вокруг.
Кедры, вздрогнув, уронили
Рукавицы с длинных рук.

Человек скользит на лыжах,
Ручейками след бежит.
Средь лисиц пунцово-рыжих
Белка серая лежит.

Сумрак в лес ползет сторожо,
И на веточках осин
Льда стеклянные сережки
Загорелись под рубин.

Вновь от гула встрепенулся
Лес на целую версту,
Только лучше бы вернулся
Или просто промахнулся
Парень в эту красоту!

1947—1973

БЕЛИНСКИЙ

Завидуем внукам и правнукам нашим.

В. Белинский

Мокрыми пальцами дождь барабанит по крыше,
Сумрак из комнаты свет вытесняет в окно,
Ветер озябшие ветки деревьев колышет,
В домике холодно, сыро, пустынно, темно...

Восемь шагов от окошка до ручки дивана,
Блеск лихорадочный из-под опущенных век...
Ходит по комнате, кутаясь в плед беспрестанно,
Нервной походкою бледный худой человек.

Черные души, тупые жестокие люди
Русь обирают, свободу зажали в тиски,
Грабят и молятся, мучают, властвуют, судят,
Пряча наживу под рясы, в ларцы, в кошельки.

Да, он обязан бичующим гневом излиться.
Да, он обязан, он верит в Россию, в народ!
Мысли, надежды... Кто рядом с ним? С кем

поделиться?

Маша... жена? Не поймет, ничего не поймет!

Надо работать, а сил остается немного,
Недуг сжимает своею костлявой рукой,
Злая нужда постоянно стоит у порога,
Просит долги и стучит деревянной клюкой.

Стекла занули — промчалась лихая пролетка...
Вновь подошло... Точно заживо падаешь в гроб:
Кашель мучительный. Жуткая мерзость — чахотка,
Кровь на платке и в холодной испарине лоб...

Только неправда, не сдался он горю и бедам!
Вот он поднялся и, сунув платок свой в карман,
Резким движением вместе со скомканным пледом
Бросил усталость на ситцем обитый диван.

Вот он склонился и что-то торопится, пишет...
Свечка колеблется, ночь застилает окно...
Мокрыми пальцами дождь барабанит по крыше,
В домике холодно, сыро, пустынно, темно.

Нет больше ночи, нет времени, нет расстоянья,
В синих глазах его жаркий огонь отражен,
Вот он сидит, позабывши про боль и страданья,
Правый и гневный «неистовый Виссарион».

Видит он Родину в дальнем, немеркнущем свете, —
Нет, не бесправной, не темной, не рабской — иной.
Видит он Родину ту, что, пройдя сквозь столетье,
Знамя свободы победно взвила над собой!

1948—1976

ЛЕТНИЙ ПОХОД

Ветер поет и звенит над рекой,
Возле обрыва трещит камышами,
Сосны зелеными машут платками,
Небо надулось, как парус тугой.

Мы уплываем все дальше и дальше...
Шлюпки взлетают на зыбкой волне,
Тянется нить журавлей в вышине,
Справа темнеют еловые чащи.

Летний поход: полевые дорожки,
Яркогo солнца и песен пора,
Время рыбалок, печеной картошки,
Время ночевок в лесу у костра.

Крепче на весла, друзья, налегайте,
Спят еще села в предутренний час,
Хочется крикнуть: «Проснитесь, вставайте!
Солнце над рощами брызнет сейчас!»

Сильные руки, упругие взмахи,
Волны кругами бегут к берегам.
Вон и рассвет в кумачовой рубаше,
Встав, по росистым шагает лугам.

Выйдем на берег, товарищ, и встанем
Возле обрыва над самой водой.
Встретим горячий поток золотой,
Руки друг другу в пожатье протянем.

Взглядом ты смело округу обшаришь:
Видишь, как речка под солнцем блестит?
Слышишь, как весело ветер звенит?
Вот она, молодость наша, товарищ!

Нам по земле еще много шагать,
Нам еще много учиться упорно,
Нам еще много рассветов встречать,
Много пропеть еще песен задорных.

Нам еще много работать с тобою,
Долгую жизнь надо славно прожить.
Если дружить — так уж верно дружить!
Если любить — так любить всей душой!

Что ж, нам, пожалуй, пора и назад.
Травы и листья росой сверкают.
Едем, товарищ, уж день наступает!
Вон и ребята из лодок кричат...

1949

ТРУДНАЯ РОЛЬ

В плетеной корзине живые цветы.
Метель за морозным окном.
Я нынче в гостях у актерской четы
Сижусь за накрытым столом.

Хозяин радушен: он поднял бокал
И весело смотрит на нас.
Он горд, ведь сегодня он в тысячный раз
В любимом спектакле сыграл.

Ему шестьдесят. Он слегка грузноват,
И сердце шалит иногда,
Но, черт побери, шестьдесят не закат!
И что для артиста года?

Нет, сердце ему не плохое дано:
Когда он на сцену вступает,

Лишь вспыхнет от счастья иль гнева оно,
Пять сотен сердец замирает!

А радость не радость: она не полна,
Коль дома лишь гости вокруг,
Но рядом сидит молодая жена —
Его ученица и друг.

О, как же все жесты ее нежны.
Ее красота как приказ!
Он отдал бы все за улыбку жены,
За серые омуты глаз.

Все отдал бы, кладом кичась своим, —
Прекрасное кто же не любит!
Хоть возрастом, может, как дым, седым,
Брюзжаньем и чадом, всегда хмельным,
Он вечно в ней что-то губит...

Сегодня хозяин в ударе: он встал,
Дождался, чтоб стих говорок,
И, жестом свободным пригубив бокал,
Стал звучно читать монолог.

Минута... И вот он — разгневанный мавр!
Платок в его черной ладони.
Гремит его голос то гулом литавр,
То в тяжких рыданиях тонет...

В неистовом взгляде страдальца — гроза!
Такого и камни не вынесут стога!
Я вижу, как вниз опуская глаза,
Бледнеет красивая Дездемона.

Но, слыша супруга ревнивые речи,
Зачем без вины побледнела жена?
Зачем? Ведь в трагедии не было встречи!
Зачем? Это знаем лишь я да она.

Я тоже участник! Я, кажется, нужен,
Хоть роли мне старый Шекспир не отвел.
Я был приглашен и усажен за стол,
Но «роль» у меня — не придумаешь хуже!

Ты хочешь игры? Я играю. Изволь!
И славно играю, не выдал ведь злости.
Но как тяжела мне нелепая роль
Приятеля в доме и честного гостя!

1949

ЖАР-ПТИЦА

— Любовь? Ее нет между нами, —
Мне строго сказала она. —
Хотите, мы будем друзьями,
Мне верная дружба нужна.

Что спорить, она откровенна,
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу.

Что ж, дружба — хорошее дело!
В ней силы не раз почерпнешь,
Но дружба имеет пределы,
А мне они — по сердцу нож!

Как жил я, что в сердце вплеталось,
Я все бы ей мог рассказать,
Когда бы она попыталась,
Когда б захотела понять.

Идя сквозь невзгоды и вьюги,
Не встретил я преданных глаз.
Случайные лгали подруги,
Я сам ошибался не раз.

Но думал я: вспыхнут зарницы.
Я знал: надо верить и ждать.

Не может так быть, чтоб жар-птицы
Я в мире не смог отыскать!

Когда же порой мне казалось,
Что к цели приблизился я,
Жар-птица, увы, превращалась
В простого, как хвощ, воробья.

Вспорхнув, воробьи улетали,
И снова я верил и ждал.
И все-таки вспыхнули дали!
И все-таки мир засиял!

И вот наконец золотые
Я россыпи в сердце открыл.
Наверное, в жизни впервые
Я так горячо полюбил!

Моя долгожданная, здравствуй!
Ты чувств не найдешь горячей.
Иди и в душе моей царствуй!
Я весь тут — бери и владей!

Жар-птица сверкнула глазами,
И строго сказала она:
— Любовь? Ее нет между нами.
Хотите, мы будем друзьями,
Мне верная дружба нужна.

Что спорить, она откровенна,
Но только я хмуро молчу.
Ведь я же солгу непременно,
Когда ей скажу, что хочу.

1950

РЕВНОСТЬ

Сдвинув брови, твердыми шагами
Ходит парень возле перекрестка.